

Интервью с Д. Н. Замятиным¹

Д. Н. Замятин родился в 1962 году. Окончил географический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Кандидат географических наук (1989, Московский государственный университет), доктор культурологии (2005, Российский государственный гуманитарный университет).

Специалист в сфере гуманитарной географии, геополитики и политической географии, культурологии. Заведующий сектором гуманитарной географии Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева (Москва) и ведущий научный сотрудник Центра глобалистики и компаративистики Российского государственного гуманитарного университета. Куратор секции геополитики и политической географии Российской ассоциации политической науки.

Автор более 200 научных и научно-популярных работ, в том числе четырех монографий и трех учебных хрестоматий. Основные статьи в научных журналах: «Вопросы философии», «Политические исследования», «Полития», «Мировая экономика и международные отношения», «Космополис», «Общественные науки и современность», «Вестник Московского университета. География», «Социологические исследования», «Известия РАН. Серия географическая», «Социологический журнал», «Новое литературное обозрение», «Человек» и другие.

Монографии: "Моделирование географических образов" (1999), "Гуманитарная география" (2003), "Метагеография" (2004), "Власть пространства и пространство власти" (2004).

Хрестоматии: "Русские столицы. Москва и Петербург" (1993), "Пространства России" (1994), "Империя пространства: Геополитика и геокультура России" (2003) (в соавторстве).

Артём Космарский: Дмитрий Николаевич! В этом интервью мне бы хотелось поднять два блока вопросов: во-первых, предмет географии как науки, ее границы, ее ключевые проблемы; во-вторых, ваш экспертный взгляд на поле культурной географии как дисциплины (люди, темы, направления, институциональные формы, пути развития). Первый вопрос – достаточно широкий – как вы видите географию? Является ли она более естественной или гуманитарной наукой?

Дмитрий Замятин: Я должен сказать, что мой взгляд во многом внешний. Несмотря на то, что я по образованию географ, закончил геофак МГУ и защищал кандидатскую как географ, все-таки я человек внешний, поскольку я с детства был гуманитарием, увлекался литературой, историей, и в географии меня не покидало ощущение, что я «чужой среди своих, свой среди чужих». Хотя свою идентичность профессионально-исследовательскую

¹ Беседовали Артём Космарский и Сергей Рассказов.

я определяю как гуманитарный географ, но учитывая, что докторскую я защитил как культуролог, она получается уже двойственной. Выхожу я из этой ситуации как: утверждая, что гуманитарная география – это междисциплинарное научное направление. Но всё равно получается провисание, сидение сразу на многих стульях.

Что касается самой географии, то она, как мне представляется, испытывает очень мучительные мутации, причем не только у нас, но и на Западе. Приведу маленькое наблюдение. Я участвовал в антропологической конференции в Ирландии, посвященной как раз образам ландшафтов; key-speaker'ом там был очень известный культурный географ Дэвид Лоуэнталь. И у меня сложилось впечатление, что серьезная пропасть лежит между воззрениями его и большинства культурных антропологов. Хотя говорили они об одном и том же, об образах культурной, социокультурной среды, и сам Лоуэнталь еще с 1960-х годов изучает образы, мне показалось, что, несмотря на все свои гуманитарные заслуги, он все-таки позитивист. Основным для него является представление о природной среде, которую человек должен трансформировать – ментально, материально, посредством всех возможных способов воздействия на нее. А у культурантропологов ситуация принципиально иная (именно тогда я почувствовал, что мы оказываемся, пожалуй, ближе к этой сфере) – доминируют такие концепты, как культурный ландшафт, региональная идентичность, пространственный миф и географический образ – четыре базовых концепта, которыми, как мне кажется, лучше всего оперировать гуманитарной географии. И если такова ситуация в культурной географии, что же говорить о других подразделениях... Даже если не брать физическую географию в чистом виде (чем они занимались последние 70–100 лет, тем и занимаются, разве что инструментарий обогатился – есть компьютеры, есть суперточные измерения и пр.), опыт моего общения показывает, что это классические представители такой позитивистской, естественнонаучной парадигмы.

Наша, российская, ситуация, как вы понимаете, еще печальнее. Если брать Институт географии, самый «продвинутый» институт, то там культурная география занимает очень скромные позиции. Там можно говорить об одном-двух культургеографов на весь институт из где-то 200-300 человек. Это Владимир Николаевич Стрелецкий, Тамара Артаковна Галкина – и всё. Остальные могут снисходительно о географии культурной или проявлять к ней хорошее отношение, но, тем не менее, людей, специализирующихся в этой области, практически нет даже на институциональном уровне. Та же ситуация примерно и в МГУ, и в других институтах. Скажем, в Иркутске (Сибирское отделение АН, Институт географии), там два человека – Милана Рагулина и ее ученица Вера Куклина. Остальные ученые, занимающиеся культурной географией, не институционализированы в данном качестве, могут быть, например, преподавателями вузов, и это для них хобби, и т.п. Поэтому сообщество культургеографов в России, пусть даже в СНГ – максимум 15-20 человек (хотя если взять Географическое общество – не меньше 1000 человек – за вычетом этих 15-20 это классика позитивизма). Говорить о том, что культурная география представляет собой некую институцию – невозможно.

Теперь моя личная позиция. При всем том, что я всегда проявлял максимальный пиетет к культурной географии и пытался позиционировать себя так, я понимал, что не всегда соответствую этому образу по двум причинам. Во-первых, я достаточно плохо знал литературу (хотя основных классиков, конечно, читал), не занимал энциклопедическую

нишу, не мог свободно оперировать десятками имен, связанными с этой традицией – и дело не в недостатке памяти, а в отсутствии какого-то глубинного интереса к этой сфере. Неслучайно я стараюсь переформатировать это поле, называя его не культурной, а гуманитарной географией, тем самым подчеркивая междисциплинарный характер. Во-вторых, у гуманитарной географии нет более широких методологических оснований, и центр исследовательской активности смещается в сторону процессов формирования и развития ментальных конструкторов, описывающих, характеризующих и структурирующих первичные комплексы пространственных восприятий и представлений. В моем понимании, она может интерпретировать, или как-то переформатировать многие политическо-, социально-, экономгеографические исследования, или подходить к традиционным моментам с более широкими гуманитарных позиций.

Грубо говоря, я не сказал – ребята, экономические запасы такие-то, давайте копайте, сразу всё будет, хотя и немного – это была бы культурная география. Выдвигая брэнд гуманитарной географии, я словно сказал: у нас гигантские потенциальные запасы полезных ископаемых: бассейн каменного угля, рассеянный по территории в полтора миллиона км² – сразу расширил эту сеть, понимая, что она слишком велика, людей нет, средств нет, преследуя свой интерес: в силу моего разномыслия мне было так свободнее. Плюс я обладаю неким талантом к неформальной научной жизни – ни в коей мере не профессор, не заведующий кафедрой, но неформальный научный лидер небольших коллективов. Под свой брэнд, в поле гуманитарной географии я привлекаю массу людей, которые занимаются маргинальными исследованиями в соседних областях (социологи, культурологи и др.).

Читая сейчас негеографические книги, я вижу, что тенденция общая. Грубо говоря, образное видение характерно не только и не столько для гуманитарной географии, оно характерно для социологии точно, для культурологии – частично, для части политологии – точно, в психологии не уверен, в экономике есть. Не мейнстрим, но некие маргинальные струи, завихрения, и я четко вижу, что движутся в одном направлении, хотя зачастую не знают друг о друге. Мне чаще интереснее читать труды представителей других дисциплин, работающих в том же образном поле, чем коллег-географов. Как есть физики-лирики, так и те, кто ориентирован на образно-холистическое и те, кто на структурное мышление. В современной географической традиции доминируют последние, а вот филологии, скажем, не хватает структурного мышления.

И в-третьих, базовые концепты гуманитарной географии часто напитаны не тем содержанием, что в культурной. Яркий пример: моделирование географических образов. В культурной географии образные исследования (образ города, страны) фактически были «размазаны», сошли на нет в теоретическом смысле к концу 1960-х и, в общем-то, сейчас доминирующий концепт в культурной географии – это идентичности. Почему? Она очень всеядна и эклектична. Если мы возьмем таких исследователей, как Эдвард Сойа (Soja), или Дэвид Харви (Harvey), классика, боровшегося с позитивизмом, даже И-Фу Туан (Yi-Fu Tuan), наиболее мною уважаемый человек из среды культурной географии/географии искусства, феноменолог, – все они занимаются адаптацией социологических, культурологических, философских подходов к классическому объекту культурной географии (образам), а потом заявляют себя как философы. Харви – это философ глобализма, Туан занимается моральной философией, Сойа – это широкое социальное

географизирование. Каждый из них заканчивает с этой географией и приобретает, точки зрения научного и интеллектуального сообщества, более высокие культурные идентичности – философа, культуролога и т.п. Но моя позиция, опять же, несколько иная – среди культурологов я тоже чужой. Да, докторская, да, я с ними тесно общаюсь, но для них пространство – маргинальный предмет. Если суммировать, нахождение на границах – это, в настоящий момент, специфическая позиция гуманитарной географии.

А.К.: Вопрос относительно других наук. Насколько пространство является привилегированным объектом изучения для географии и как она делит его с другими науками?

Д.З.: Естественным монополистом она быть не может, многие занимаются пространством. К тому же география пришла к пространству сравнительно недавно, с XIX в., до этого она описывала страны, народы, города и пр. История того, как география занимается пространством очень невелика, очень бедна, учитывая то, что в советский период идея пространственной географии была замазана, и начала возрождаться только с 1980-х гг. Антропогеография – отечественный вариант культурной географии – возникла в 1910-х, и к концу 1920-х ее задушили. Кстати, вы, наверное, знаете научно-популярную книжку Стивена Хокинга «Краткая история времени». Когда я думаю о популяризации, то возникает идея, по аналогии, написать «Краткую внутреннюю географию пространства» – как, какими способами изучается пространство географами.

Но у многих профессиональных географов географии, по моему жесткому мнению, и нет – есть экономические, социальные, политические данные, разложенные по картам. Пространственный анализ, когда он есть, делается из экономики. Получается, что пространством занимается очень ограниченное количество людей. Не могу сказать, что я вхожу в их число. В чем смысл того, что я пытаюсь делать, с культурной точки зрения? Культура – это всегда дистанцирование, наворачивание дополнительных смыслов. Я занимаюсь не пространством, а образами пространства, т.е. дистанцированием.

Вообще, говоря о гуманитарной географии, я понимаю, что это весьма противоречивая связка. Пока не знаю, чем бы заменить это словосочетание. То, чем мы занимаемся – строго говоря, образная или имагинальная география. Зачем я взял более общий термин – именно с целью создать неформальное сообщество, поле, в котором можно общаться.

А.К.: То есть институционализировать гуманитарную географию?

Д.З.: Да. Как известно, во всех сферах человеческой деятельности есть правила, формальные или неформальные. Для институционализации науки необходимо что – сектора, институты, журналы, общества, кафедры, специальность, по которой защищаются. Допустим, я по стране найду 15-20 человек, они мне напишут в альманах, но я четко осознаю, что это только первый, самый начальный этап. Еще я, худо-бедно, создал сектор гуманитарной географии [в Институте наследия] на основе уже существовавшего сектора географии культуры и искусства. Но это почти ничего – во-первых, мы не встроены в Академию наук, во-вторых, нет никаких кафедр, журнал пока создать не удалось, и нет общества. Процесс институционализации может длиться и 30, и 40, и 50 лет. Единственное, что спасает – есть возможность создать кафедру, однако шаг этот будет, на мой взгляд, не очень удачным. Обычно кафедры создаются на финальном этапе (когда есть журнал, общество и т.п.), чтобы воспроизводить уже сложившуюся

дисциплину. Все-таки главное, что я могу сделать в рамках своей исследовательской идентичности – писать, писать, писать – и создавать некое начальное поле в виде неформальной сети. Потом эту сеть можно довести до 30, 50, 100 человек, сетевые сообщества быстро формируются. Наверное, это на настоящий момент оптимальная форма существования.

А.К.: В становлении многих «новых» дисциплин в 1990-е годы (гендерные, визуальные исследования) важную роль сыграл Запад, помогавший не столько даже финансово, сколько обеспечивая легитимацию, сообщества, институты, в которые можно вливаться...

Д.З.: Мои контакты с Западом весьма эпизодичны. Частью это связано с моим английским, частью с тем, что мне, с художественным компонент творчества, это оказывается не очень нужно. Грубо говоря, для тех людей, которые меня знают на Западе, я не ассоциируюсь с какой-либо институцией или дисциплинарными рамками. Американцы включили меня в справочник "Кто есть кто" (наука, искусство, бизнес), англичане – в справочник «2000 интеллектуалов XXI века» – просто как отдельного человека, который что-то написал в широкой гуманитарной области. Вообще нет особых стимулов: у меня есть свои ячейки, в которых я чувствую себя полностью автономным, я могу писать свою эссеистику, свою поэзию, или открываю Пастернака и пишу о нем, ни от кого не завишу. Я понимаю, что это недостаток, когда выстраиваешь дисциплину, но думаю, что возникнут коллеги, которые поймут, что это надо. Хотя... общался я с Вилбуром Зелинским, – известный географ, автор книги «Культурная география Соединенных Штатов». Такой дяденька, еврей из Российской империи во втором поколении, нормальный дядя, книжка хорошая, но чтобы с ним общаться... И не потому, что не интересно, а потому, что там структуры деятельности другие. Не передовые/отсталые, нет, просто стимулы возникают внутри и формируют структуры деятельности. Мы, Северная Евразия предлагают вот такие способы интерпретации, не самые плохие, но и не самые хорошие – уникальные, по своему, как уникален западный опыт, американский опыт. Возможно, мы в некотором смысле будем не опережать, но двигаться по другому. Возможно, нам и не нужны институциональные формы (общества, журналы), а хватит неформального сообщества. Доказано, что в странах третьего мира транзакции обычно лучше идут по неформализованным правилам.

А.К.: У меня несколько уточняющих вопросов. Что вы видите как определяющий признак гуманитарной географии, помимо ее междисциплинарности? Предмет, метод, или другие вещи?

Д.З.: Я попытаюсь сказать, хотя мой ответ будет, наверное, расплывчатым и неточным. Я столкнулся с такой проблемой. В РГГУ я преподаю сейчас гуманитарную географию (на третьем курсе историко-филологического факультета). Я осознаю, что должен быть переход, транзакция от собственных научных исследований к педагогике, и транзакции весьма трудоемки: мы прекрасно знаем, что великолепные преподаватели не обязательно бывают хорошими учеными, и наоборот. Поскольку моя основная идентичность – исследовательская, и в позиции преподавателя я чувствую себя не очень уверенно, я сталкиваюсь с тем, что не могу назвать студентам точный метод, предмет и пр. И некоторые определения я даю формально, зная, что, как исследователь, выкинул бы всё это к чертовой бабушке. Возьмем хотя бы метод. К примеру, в исследованиях образа

города существует две группы методов. Первая – социологические: мы приезжаем в поле и начинаем людей допрашивать – либо анкетирование, либо интервью, либо какие-то косвенное наблюдение. В любом случае, мы пытаемся репрезентировать, какого люди мнения о своей местности. Это нормальная позиция, она имеет свои права. Иной метод – феноменологический: географ и у него в голове машина по производству образов. Он путешествует, гуляет по городу, наблюдает и внутри себя всё перерабатывает. При этом он может общаться с людьми, как-то косвенно использовать их слова. Тоже вполне легитимный подход. В США его классический представитель – Джон Бринкенхоф Джексон у нас – Родоман и Каганский. Однако если внимательно почитать классическую философскую феноменологию (или социологическую – Шютц), мы обнаружим, что там образ не пользуется большой популярностью или доверием, и это тоже достаточно проблемно.

Я перехожу к такой ситуации. Грубо говоря, я умею только писать тексты – структурировать и составлять (не редактировать даже) – и пользуюсь тем, что могу писать и научные тексты, и художественные. Сейчас мне легче выявить смыслы, создавая художественные – или полухудожественные географические тексты. А как материал мне удобно использовать литературные тексты, связанные так или иначе с традицией восприятия пространства. Беру Бориса Пастернака, все тексты о Марбурге, еще «Доктор Живаго», эпистолярные тексты – и образы города у Пастернака просто великолепно анализировать. На самом деле это проблема, потому что я планирую проводить полевые исследования, путешествовать...

Должен ли географ ездить, или достаточно собрать информацию и проанализировать – думаю, это дилемму можно снять. Очень часто есть ограничения по поездкам – либо у вас мало времени, либо недостаточно средств, чтобы поехать туда-то. В отдельных, экстремальных ситуациях можно не поехать, и создать образ, который будет работать, будет интересен. Классический пример – книга Смирнягина «Районы США», которую он написал, не будучи в Штатах. Через 3-4 года автор попал в Штаты, и ездит сейчас туда почти каждый год, но с тех пор не написал ничего столь целостного. И проблему – посылать географа в поле или не посылать – я бы переформулировал так: есть образ – нет образа.

А.К.: Если можно, несколько слов о том, что вы вкладываете в понятие «географический образ». Образ в сознании людей, образ в текстах, образ конструируемый географом – или всё это вместе?

Д.З.: На самом деле, когда занимаешься чем-то, очень трудно определить, чем именно ты занимаешься. Чем занимаются физики? Физикой. То же и с образом. Особенно это ощущается, когда возникает необходимость перевода на английский язык. Есть, конечно, «image». Но по нашему опыту, многолетнему, мы выяснили, что под этим словом англо-американцы понимают совсем другое. Мы стали искать «frame», «model» или «icon», всего где-то пять-шесть понятий. Но всё не очень точно, потому что у них господствует визуальное понимание. То, что я понимаю – скорее некое умозрение, структурированное, упорядоченное представление. Если определение давать, то географический образ – это система взаимосвязанных символов, знаков, стереотипов, характеризующих ярко и просто определенную территорию. Такое вот научно законченное определение, которое можно критиковать, модифицировать и пр. В моих

работах найдется пять-шесть мест, где я переопределяю, хотя танцую, более-менее, от одного и того же. А потом возникают вопросы, которые мне очень любят задавать: чей это образ? когда этот образ? где этот образ? Вот вы говорите «образ Москвы», «образ России» – чьи это образы? Я пытаюсь как ответить: нет образа вне репрезентации и вне интерпретации; образ сам по себе не существует. А какие репрезентации? Текстовая, визуальная, вербальные/невербальные. И тогда возникает такой вопрос – образ сидит у меня в голове, я о нем никому не говорю, он никак не зафиксирован – есть он или нет? Я не могу ответить.

С.Р.: А если он в вашей деятельности репрезентируется?

Д.З.: Тогда должен быть человек, который со стороны заметит, что образ репрезентирован.

С.Р.: Должен быть тот самый Каганский, который истолкует ваше поведение определенным образом, прочитав по ландшафту следы человеческой деятельности.

Д.З.: Хорошо, давайте возьмем Каганского. Вот он поехал в некий город, в некую местность. Со стороны люди наблюдают – немножко странный человек, как-то себя странно ведет, что-то там исследует. Подойдут к нему, спросят, чем занимаетесь – Каганский, может быть, ответит, не захочет – не ответит. И вопрос – что репрезентирует Каганский? Как он формирует для себя образ региона?

С.Р.: Мне кажется, что географы всегда, на любых этапах развития науки, остаются экспертами. Почему, интересно, географов тянет не к формализованному знанию, которое может быть разбито на практики и процедуры, передано другим, а к закрытому, эзотерическому?

Д.З.: Позволю себе с вами не согласиться. Структура экспертной деятельности, на мой взгляд, почти не связана с наукой, хотя многие эксперты могут быть учеными по образованию, даже работать в науке. Вообще, научное знание как таковое для большинства людей эзотерично. Возьмите образы науки в голливудских блокбастерах – колбы, взрывающиеся реторты, непонятные лаборатории – 100 лет образ абсолютно не меняется. А в гуманитарных науках знание еще более эзотерично. Есть, допустим, эксперты в филологии – когда Киркоров оскорбил журналистку, были эксперты из Института русского языка, Баранов (известный специалист по политической лингвистике) и другие. Они испытывали серьезные трудности, объясняя свои решения, которые, с если проанализировать с научной точки зрения, окажутся несостоятельными, потому что там совсем другие законы действуют. Когда мы берем науки, претендующие на близость к естественным, там, опять же, мы должны четко выстроить методiku. Будучи аспирантом, я анализировал десятки методик экономрайонирования. Даже в самом простом случае – хлеботорговое районирование Европейской части России – где всё расписано автором, где ограничено пространство и признаки, по которым выделяются районы, выяснилось, что я могу реконструировать порядка 30-40 стадий классификации, но это далеко не всё – остается скрытое знание, которое невозможно вычленишь, никак. Эта проблема эзотеричности знания, методик более страстно дебатруется в гуманитарных науках, но и в естественных она далеко не решена.

И еще об этом соотношении. Хотя география на 95% позитивистская наука (отечественная традиция, Запад – 50% на 50%), там есть разделы знания, которые не погибли для гуманитарного взгляда на вещи. Я очень люблю геоморфологию, и вот

почему. Для меня Земля, пространство криволинейны, и в этом главная коллизия между геометрией и географией. Последняя работает с пространством, которое нельзя смоделировать заранее, а можно – лишь находясь внутри него. Так вот, в геоморфологии (науке о законах формирования земного рельефа), которая формировалась в начале XX в., одновременно с социально-экономической географией, заложены некоторые, в том числе формальные, механизмы образного видения – поэтому я пытаюсь через геоморфологические аналогии, развивать аппарат моделирования географических образов. Есть такой отечественный геоморфолог, работает в Пущине, фамилия, если я не ошибаюсь, Степанов. Он попытался увидеть пространство почвы, земной рельеф, через кривые, через некие потоки, и получается достаточно интересная техника, благодаря которой можно делать почвенные карты, карты рельефа и т.п. А я, поскольку основной метод в науке – аналогия, пытаюсь это перекинуть к моделям образов – на литературных текстах, на живописных. В общем, спасение (для меня, по крайней мере) не в признании, что мы эксперты или не эксперты, или что мы неклассические ученые, а в том, что мы расширить видение – чем является географ, как он работает и т.п. Общаясь с большей частью нашей географической элиты, я понимаю, что, по большому счету, мне не о чем с ними говорить, и не потому, что это замкнутые или неинтеллигентные люди, совсем нет – но сам способ видения объекта абсолютно не совпадает с моим. И мне приходится самому формировать свою среду общения – либо через сетевиков, либо через молодое поколение. Хотя лет пять-шесть я активно пытался интегрироваться в традиционное сообщество. Ко мне относились, позволяли публиковаться в малотиражных сборниках без проблем, не очень понимая, что я пишу. Конфликт возник на уровне институционализации, когда я пытался это защищать – и я решил выйти за пределы сообщества, не порывая, тем не менее, контактов.

С.Р: Это ваша личная ситуация или с подобным сталкивается каждый человек, который пытается в рамках собственных представлений охватить всё поле географии, заняться теоретизированием, не следуя узким практикам, унаследованным от учителя, руководителя? Не есть ли это общая проблема географии как таковой?

Д.З.: Я боюсь перейти к банальностям, но случай действительно уникальный. Дело не в географии, такие вещи происходят во многих науках, со многими людьми. Я боюсь, что это мой случай в конкретной эпохе – конца советского времени и постсоветский период. Я застал еще прочные и устойчивые советские структуры научного знания, получил некую школу, но в то же время закосневшие матрицы, в которых я пытался действовать. В чем были мои плюсы? Я не застыл в нетворческих операциях, в отличие даже от многих исследователей моложе меня, которые эту привязанность к творческому элементу работы не сохранили. Минусы моей ситуации были вот в чем: в начале 90-х развалились традиционные институты, а новых не возникло еще. Меня спасло то, что я оказался в маргинальной структуре для поля географии (институте, занимающемся проблемами образования), и я занимался составлением географических хрестоматий, в образной подаче. Потом, когда наметился некий выход (вторая половина 1990-х) я стал задумываться о социализации и начал искать ячейку в рамках традиционного сообщества, потратил на это несколько лет. Наверное, не надо было быть столь законопослушным и уже тогда приступать к формированию неформальных структур общения. Эта замедленность определения идентичности связана еще и с положением на границах, а не,

как у нас обычно, «я экономгеограф» и всё, до конца жизни. В общем, возвращаясь к началу ответа, всё достаточно банально – человек и обстоятельства. Если бы я формировался в 1960-х годах, меня бы задвинули и никакой гуманитарной географии не было бы, если бы на десять-пятнадцать лет позже – то всё шло бы на ура, и кафедра, и специализация. Я сознаю, что на само деле я не самый, грубо говоря, продвинутый, но в данной исторической эпохе проявил некоторые качества, благодаря которым представляю из себя уникальный интеллектуальный продукт.

А.К.: И последний вопрос. Какие направления исследований в рамках гуманитарной географии вам представляются наиболее перспективными?

Д.З.: Для меня есть несколько базовых направлений, исходящих из уже упомянутых ключевых концептов: культурный ландшафт, региональная идентичность, пространственный миф и географический образ. Какие области на них специализируются? Моя образная, или имагинальная география; когнитивная география, которую развивает Н. Ю. Замятина; мифогеография, которой занимается И. Митин; с региональной идентичностью работает сотрудник нашего сектора М .П. Крылов. Вот это базовые направления. Еще их дополняет семиотика культурного ландшафта (О.А. Лавренова). Сакральная география. Но – я закладываю в матрицу гуманитарной географии не только научные исследования, но и эссеистику, понимая, что мы зачухнем, если не будет эссеистики и путешествий. Во втором «Альманахе гуманитарной географии», который я сейчас выпускаю, будет соответствующий раздел, с массой различных текстов, в том числе смешных. «Байки на границе» – автор Валерий Кламм, дизайнер, участвующий в фотоэкспедициях дал свои записи разговоров с аборигенами, с туземцами... Алтай, Енисей, что дает очень интересные образы тех мест и городов. Впрочем, всё достаточно ситуативно. Сейчас всё выглядит так, а вот издадим этот альманах, будем готовить третий – и образ науки изменится.